

И это все о нем...

(Портрет социолога на фоне интервью)

Перелистывая 12-й номер журнала “Социальная реальность” за 2006 год, перед тем как плотно заняться статьями, которые в ходе этого просмотра наиболее меня интересуют, я натолкнулась на фамилию В. Шляпентоха. Это было интервью Владимира Шляпентоха Борису Докторову. Обе фамилии обещали нечто интересное: Б. Докторов плодотворно трудится на ниве истории советской социологии, социологии общественного мнения¹, да и В. Шляпентох – человек из нашего “прекрасного далека”, из эпохи “детства” советской социологии. И я принялась за чтение. Сказать, что я испытала сильные чувства, значит не сказать ничего.

Начну с трех больших абзацев в интервью, которые посвящены М. Мамардашвили, А. Лосеву, Г. Щедровицкому, Э. Ильенкову, А. Зиновьеву. Формулировки такие: *“светил типа М.К. Мамардашвили, не говоря уже о работах А.Ф. Лосева”*; *“попытки талантливых людей типа Г.П. Щедровицкого создать нечто оригинальное свелись к доморощенным концепциям, не имевшим отношения к современной науке”*, *“все правильное в них (в работах этих авторов. – Л.Ф.) имело западное происхождение, а все новое было либо тривиально, либо неверно”*, *“еще меньшее отношение к творчеству имеет деятельность тех, кто упражнялся в анализе «Капитала» и его ло-*

гики”. Ну, может, не чувствует человек определенного привкуса в выражениях *“светил типа”*, *“людей типа”* – пишет же он *“заимствованы с Запада”*, *“куча моих коллег”!* Но читать такое – мягко говоря, странно.

Все перечисленные ученые не нуждаются в моей защите – их научная репутация говорит сама за себя. Замечу только, что они, как и упоминаемые в интервью Ю. Левада, Б. Грушин, А. Здравомыслов, В. Шубкин, В. Ядов и некоторые другие, практически сформировали у нас еще в период первой “оттепели” гуманитарно-гуманистическое пространство, в котором находилась нарождающаяся социология, и очень существенно повлияли на профессиональное становление молодых социологов, шедших уже вторым эшелонем. Именно они разрушали тот монолитный идеологический каркас обществоведения, который стоял на пути новых веяний в общей социологии, в социологии общественного мнения, в социальной психологии, в марксоведении.

Это о персоналиях. Но я хотела бы упомянуть еще несколько сюжетов, затрагиваемых в интервью, которые кажутся мне весьма сомнительными по существу.

Прежде всего это склонность ставить в вину нашим обществоведам второй половины прошлого века попытку возвращения к Марксу. Даже

¹ За что коллеги по цеху на недавней (16–17 февраля 2007 года) социологической конференции памяти Г. Батыгина устроили ему настоящую овацию.

если для начала отвлечься от ситуации в СССР, то и на Западе тогда же (не говоря уже о сегодняшнем дне) находились, как хорошо известно, исследователи, которые обращались к Марксову наследию. Открыла первую попавшуюся на моей книжной полке книгу – Ч. Миллс, “Социологическое воображение” (М.: Стратегия, 1998), и с ходу нашла там несколько весьма симптоматичных цитат с упоминанием Маркса. Кстати, по числу упоминаний этот автор находится в книге на первом месте – 17 ссылок; за ним идут П. Лазарсфельд (15) и Т. Парсонс (14)².

Если же говорить о нашей стране, то возвращение к Марксовым корням часто было для социологов «первого призыва» попыткой критики того, что их окружало. Кроме того, ссылки на “священные имена” советской идеологии служили своего рода индульгенцией при изложении весьма спорных с официальной точки зрения идей. Об этом не хуже нашего должен помнить и сам В. Шляпентох, который в своей книге “Социология для всех” (М.: Советская Россия, 1970) упоминает “классиков марксизма-ленинизма”, обильно цитирует их, противопоставляет “марксистскую социологию как подлинную науку” науке “другой”, оценивает К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина как сыгравших “выдающуюся роль в создании современной научной социологии”. Тогда все начинающие социологи сидели в этом смысле “в одной лодке”.

Еще один смысловой мотив интервью – это, фигурально выражаясь, противопоставление “Запад – Восток”. Например, Г. Щедровицкий упрекает за “доморощенность”, которая проявилась в отсутствии на Западе ссылок на его работы. Забавный критерий оценки вклада ученого в науку! Если взять, к примеру, – расширим круг упоминаемых лиц – труды Л. Выготского, Ю. Лотмана, В. Проппа, М. Бахтина, то для неко-

торых из них период приобщения к ним Запада оказался довольно длительным. Но прибавило ли это приобщение хоть что-то к самооценности, самодостаточности их теорий? Ту же линию оценки по оси “Запад – Восток” интервьюируемый продолжает, когда напрямую связывает вклад в советскую социологию В. Ядова и Б. Фирсова с их стажировками в Англии и Франции, как будто до этих поездок они не были серьезными учеными!

Эта ось переворачивается, когда В. Шляпентох критикует американские опросы общественного мнения, противопоставляя им как более совершенные опросы советские. Что тут можно сказать? Конечно, развитие нашей и “не нашей” социологии долгое время не шло параллельно, и из-за этого мы отчасти оказались в лучшем положении – у нас была возможность не повторять чужих ошибок³; мы могли опираться на результаты проведенных за рубежом методических экспериментов, что в принципе и делалось; я уже не говорю о теоретических моделях, наработках, которые можно в той или иной мере использовать, с которыми можно спорить и т. д. Но из интервью создается впечатление, что В. Шляпентох – едва ли не единственный, кто рефлексировал по поводу качества американских опросов. Между тем у нас в свое время только ленивый этим не занимался. Да и в американской научной среде такая тенденция просматривается⁴.

Итак, В. Шляпентох с лаврами критика западной технологии опросов заодно развенчивает и целый этап советской (времени первой “оттепели”) обществоведческой, в том числе социологической, мысли. Создается некий логический равнобедренный треугольник: одна сторона – американская социология, вторая – советская, а между ними – В. Шляпентох. У меня

² Да и на той же конференции памяти Г. Батыгина Маркс был одним из наиболее упоминаемых авторов, что отмечали сами ее участники.

³ Скажем, ошибся Гэллуп в своем электоральном прогнозе 1948 года, рассматривая массив “затруднившихся ответить” в той же пропорции политических симпатий, что и массив “ответивших”. В начале 90-х ФОМ, как потом признавали его сотрудники, повторил эту ошибку. Но в принципе ее можно было избежать и, опираясь на чужой опыт, не наступать на те же грабли.

⁴ Так, например, в книге Ч. Миллса, на которую я уже ссылалась, есть весьма нелицеприятные цитаты на этот счет из П. Лазарсфельда и Б. Берельсона; У. Шрамм в свое время весьма недвусмысленно отзывался о чрезмерном увлечении социологов количественными исследованиями в ущерб качественным, и т. д.

сформировалось убеждение, что это – канва “политико-социологического” самопозиционирования интервьюируемого в период его встраивания в новую для него американскую действительность. Во всяком случае, рассказ о том, как это происходило, весьма красочен и эмоционально окрашен.

Но что в этом треугольнике предьявляется по существу, так сказать, содержательно? Упомянется первый – еще новосибирский – проект автора: *“своими опросами читателей четырех центральных газет – «Труд», «Известия», ЛГ и «Правда» – я получил информацию, описывающую политические настроения советского населения”*.

Хорошо было бы воспроизвести еще и тогдашний научный контекст этого исследования. В то время уже завершилось исследование эстонскими социологами городской газеты “Эдази”, в котором был применен весь спектр подходящих к ситуации исследовательских методик – и опросы населения, и опросы журналистов, и контент-анализ. Когда проект близился к завершению, эстонцы открыли своеобразный “клуб по интересам”: в течение трех лет, с 1966 по 1968 год, в местечке Каэрику проводились конференции с прицельным вниманием к проблемам изучения средств массовой коммуникации. После каждой конференции издавались сборники⁵, где печатались тексты выступлений руководителя эстонского проекта Ю. Вооглайда, Ю. Левады, В. Ядова, Г. Хмары, Б. Фирсова, А. Харчева, Ю. Шерковина и других. Упоминаю лишь некоторых из тех авторов, кто представлен в третьем сборнике по материалам конференции. Я участвовала в ней еще в качестве аспирантки, но и многие нынешние мэтры определяли те годы именно как время своеобразного ученичества в социологии. И не упомянуть об этих фактах в интервью, где подводятся итоги большого периода в развитии отечественной социологической науки, на мой взгляд, не совсем корректно.

Кстати, на третьей конференции в Каэрику выступал и В. Шляпентох. Его доклад назывался “Информация МК как благо” и содержал первые выводы начавшегося исследования четырех газет. А сразу за докладом последовали вопросы присутствующих. Так, М. Титма спросил, что нового внесли авторы в постановку проблемы по сравнению с традицией американских исследований массовых коммуникаций; В. Бойко напомнил, что рассмотрение информации как предмета потребления есть и у других авторов...

Известно, что в любом социологическом исследовании очень важна роль специалиста-предметника – знатока той сферы общественной жизни, которая ставится во главу угла при опросе населения. Я даже рискну сказать, что эта роль – определяющая, она “делает” исследование. В новосибирском коллективе такие специалисты-предметники были: назову хотя бы А. Алексева, видного к тому времени журналиста и известного в кругу социологов теоретика СМК. Но в интервью эта фамилия даже не присутствует. И если на конференции в Каэрику в устах В. Шляпентоха еще звучало “мы”, то теперь – только “я”.

Перейду к проблеме приоритетов при создании выборок. В. Шляпентох рассказывает: *“Уже в Москве, в ИСИ, вместе с Еленой Петренко и Татьяной Ярошенко мы начали разрабатывать первую в истории СССР территориальную национальную выборку”*. И далее: *“Я отправился в ЦСУ, был принят его начальником <...> Л. Володарским, от которого получил формальное подтверждение, что мы первыми за всю историю советской власти проводим опрос на базе территориальной случайной выборки”*.

Развернутое описание территориальной национальной выборки в исследовании “Правда-77”, о котором говорит В. Шляпентох, можно найти в книге Е. Петренко и Т. Ярошенко “Социально-демографические показатели в социоло-

⁵ См.: Материалы встречи социологов “Методологические проблемы исследования массовой коммуникации”, Каэрику-1966 // Тарту: 1967; Материалы встречи социологов “Ценностные ориентации личности и массовая коммуникация”, Каэрику-1967 // Тарту: 1968; Материалы встречи социологов “Личность и массовая коммуникация”, Каэрику-1968 // Тарту: 1969.

гических исследованиях” (М.: Статистика, 1979). Но там эта выборка ни разу не названа “первой за всю историю советской власти территориальной случайной выборкой”. Спрашивается: почему? У меня единственное объяснение – авторы как раз учитывали научный контекст.

Я не случайно упомянула проект “Эдази”. Опросы населения Эстонской ССР были репрезентативны, и авторы, конечно, не перемешивали население в мешке и не выбирали случайным образом людей из списка от “А” до “Я”. Это был тот самый многоступенчатый (пошаговый, поэтапный, постадийный) метод, который и сегодня применяется повсеместно. Уже были проведены всесоюзные исследования Институтом общественного мнения (ИОМ) под руководством Б. Грушина при “Комсомольской правде” (1966–1967 годы); уже состоялся опрос ЦИОМ (1971) по всесоюзной выборке, которая, как позднее писал Б. Грушин, была построена “блистательным социологом от математики С.В. Чесноковым”⁶ на базе пропорциональной районированной двухступенчатой модели населения⁷; уже был осуществлен большим коллективом под руководством Б. Грушина проект “Общественное мнение” (1967–1974), в котором при исследовании населения города Таганрога использовались как квотные, так и случайные выборки.

Причем я хотела бы специально оговориться: все сказанное нисколько не умаляет значения исследования “Правда-77” для истории социологии в нашей стране. И это исследование, и другие мною перечисленные стали важными вехами на пути развития социологической мысли и ее практического применения. Но разрабатывалась она, эта мысль, коллективными усилиями.

Еще с одним суждением В. Шляпентоха трудно, если не невозможно, согласиться специалисту в области изучения общественного мнения. В интервью говорится: “Только мы и могли создавать воистину новые методики, приспособленные к советской действительности”. Ну, во-первых, здесь практически ставится под сомнение идея лонгитюдных исследований – что же это будут за научные процедуры, которые нужно приспособлять к меняющейся действительности (если только в высказывании В. Шляпентоха не скрывается чего-то такого, что требует дополнительных разъяснений)? Во-вторых, хотелось бы ознакомиться хотя бы с одной такой “воистину новой методикой”, но сильно сомневаюсь, что это возможно.

Наконец, упрекая “ведущих американских специалистов” в непозволительной наивности, В. Шляпентох замечает: “Они полагали, что их респонденты – честные граждане, готовые сообщить им только правду о своих взглядах и чувствах”. Здесь привлекает внимание слово “правда”. Надо ли говорить, что опрос, выявляющий общественное мнение, – это не исповедь респондента перед интервьюером? Это диалог, дискурс, беседа, общение равноправных субъектов. И любой из элементов коммуникации между ними – фактор влияния на результат. А многочисленная литература на этот счет имеет целью учет влияния таких факторов. И литература эта существует, она огромна – независимо от степени знакомства с ней каждого из нас.

Л.Н. Федотова,

доктор социологических наук, профессор
Международного университета (в Москве)

⁶ Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева (Часть 1) // М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 34.

⁷ В проводившихся ИОМом и ЦИОМом опросах использовались стратифицированные (квотные) выборки, дислоцированные на различных зонах территории СССР. (Прим. ред.)